

Родился 16 октября 1951 года в Тирасполе, в городе, который уже больше двух десятилетий является столицей непризнанной Приднестровской Республики. В восемнадцатилетнем возрасте был призван на военную службу, после которой в родные края уже не вернулся.

Закончив в 1979 году факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, уехал на Север страны, в город Сыктывкар, где работал корреспондентом центральной газеты республики Коми. После возвращения в Москву сотрудничал в различных газетах и журналах. В 1988 году стал одним из основателей и руководителей популярного в годы перестройки еженедельника «Советский цирк», где ему удалось, преодолевая существовавшую еще тогда цензуру, впервые опубликовать многие произведения советских диссидентов и русских эмигрантов. В 1990 году участвовал в подготовке и выпуске в свет первого российского демократического еженедельника «Демократическая Россия».

С 1990 по 1999 годы Бершин был одним из ведущих публицистов «Литературной газеты», где занимался не только литературной публицистикой и эссеистикой, но и освещением военных действий в так называемых «горячих точках» бывшего Советского Союза. За освещение конфликта в Чеченской Республике, способствовавшее заключению мирного договора в Хасавюрте, был представлен к государственной награде генералом Александром Лебедем. А за репортерскую работу во время молдавско-приднестровской войны награжден медалью Приднестровской Молдавской Республики «За оборону Приднестровья».

До перестройки художественные произведения Ефима Бершина практически не печатались из-за идеологической и эстетической цензуры. Впервые стихи Бершина были опубликованы в 1988 году в журнале «Юность». С этого времени стихи, проза, эссе регулярно печатались на страницах центральных газет и журналов России, переводились и издавались в других странах. Он является автором сборников стихов («Снег над Печорой», «Острова», «Осколок», «Поводырь дождя»), романов «Маски духа» и «Ассистент клоуна», а также художественно-документальной книги о приднестровско-молдавской войне «Дикое поле», которая в расширенном виде вышла в минувшем году уже во второй раз. А недавно в Бухаресте увидел свет переведенный на румынский язык сборник стихов Ефима Бершина «Метафора небытия». Совместно с немецким писателем Каем Элерсом Бершин принял участие в создании историко-философской книги «Россия — пульс мировой державы».

Произведения Бершина на русском языке и в переводах выходили в США, Германии, Швейцарии, Израиле, Аргентине, Румынии, Македонии.

Награжден Европейской Академией Общественных наук медалью Фридриха Шиллера.

Я вырос на руинах той войны,
там, где за водкой и в кровавых драках
вернувшиеся с фронта пацаны
достреливали жизнь свою в бараках,
хватаясь за ножи и топоры,
размазывая братьев по заборам.
Я тоже мог по моде той поры
заделаться убийцей или вором.

Но у меня своя была война,
свой вечный бой, который вечно длился
меж двух дворов.
И не моя вина,
что я родился там, где я родился.
Пока вели угрюмый разговор
крутые мужики в угаре пьяном,
мы пядь за пядью занимали двор,
заросший повиликой и бурьяном.
Мы шли на штурм разболтанных оград
чужих садов, ломая ветки с хрустом,
не славы ради и не для награды —
там был наш враг.
А я считался русским.
Я шел вперед. Я был почти комдив.
Мы против комьев в полный рост вставали.
Ворчал сосед: мол, мало вас, жидов,
фашисты на войне поубивали.
Безногая, безрукая война
еще блуждала в переулках стертых,
выменивая хлеб на ордена,
сверкавшие на грязных гимнастерках.
И что нам до Великой мировой,
застрявшей в историческом провале,
когда уже и с нашей, дворовой,
иных уж нет, а те — отвоевали.

2013

И когда это было — мне вспомнить уже не дано.
На царापину памяти не наложить подорожник.
Но всплывают ночами, как кадры цветного кино,
балагула, веселый портной и безногий сапожник.
Три ошибки войны, по ошибке оставлены жить
в этом маленьком городе, там, где по воле Господней
Вечным Жидом назначен был каждый расстрелянный жид,
под стволом автомата встававший на край преисподней.
Три ошибки судьбы выпивали сперва по одной,
бесконечный свой спор завершая едва ли не дракой.
Балагула — уздечкой, портняжьим лекалом — портной,
а безногий сапожник сурово размахивал драгвой.

И на их пиджаках полыхали войной ордена
за Берлин и Варшаву, за взятие рая и ада.
За безногую жизнь осушали стаканы до дна
и за то, чтобы помнилось то, что и помнить не надо.
Три ошибки беды — рядовой государственный сор, —
как подбитые птицы, клевали субботнюю пайку
и тянули вино, и тянули пустой разговор,
и тянули, напившись, свою «тумбала-балалайку».
Где я видел их лица? Зачем выплывают они
из далекой страны, нагоняя тоску и усталость, —
из забытых времен, от которых остались одни
головешки пожарищ, и даже страны не осталось.
На руинах страны догорел окровавленный век,
что охотился так, как за дичью охотится лайка.
Только ветхая память осталась, сухая, как Ветхий Завет.
Только три старика. И суббота. И «тум-балалайка».

2015

ОТЕЦ

Значит, август.
Значит, дело в августе.
Не на Спас — так на яблокопад.
Так забытый мяч, застрявший в ауте,
яблоком в траву уходит спать.
Значит, август.
Значит, дело в яблоке,
так и не надкушенном, чужом.
Старой Евой на воздушном ялике
уплывала лучшая из жен.
Таял голос в полустертой скрипочке,
взятой в плен на той большой войне,
где судьба висела, как на ниточке,
на одной подпиленной струне.
Подавив в себе остатки крика,
то вздыхая, то визжа, как плеть,
как она скрипела, эта скрипка!
Как, срываясь, умудрялась петь
про друзей, про тех, что папиросы
так и не купили никогда.
И беззвучно выпадали росы
на разрушенные города,

где неслась разлука-ты-разлука
с этой и с противной стороны.
Я на свет родился тенью звука,
чудом долетевшего с войны
в мир, где ты, храня в дырявом ранце
вместо жезла свой заплочный рок,
сам себе назначил долю агнца,
за которым явится пророк.

2013

* * *

Россия.
Дождь.
Начало сентября.
Безденежье.
Москва несется мимо.
На смерть уходят в небо тополя
горящим Храмом Иерусалима.
Пустыня.
Иудея.
Жжет хамсин.
Пришествие мессии.
Смерть идеи.
Свержение мессии.
Стынет синь
российская
под небом Иудеи.
И — в клочья имена и времена.
Горят костры.
И брат идет на брата.
Гуляет Иудейская война
по переулкам старого Арбата.
Рыдают окна в Гефсиманский сад.
Москва исходит нищими и псами.
И странники теснятся у оград,
взрезая мрак библейскими глазами.
От Боровицких до Шхемских ворот
все — от блудницы и до пилигрима —
взирают молча, как брусчатку рвет
предсмертный хрип поверженного Рима,

как забуддыгу, вора и вруна,
уже почти лишённого рассудка,
сажает на кол странная страна,
а после воет, как дурная сука.
И забывает.
И теряет счет
юродивым
успокоенья ради.
Так забывает,
как слезу со щек,
стирая,
забывают об утрате.
И я забуду
и московский смог,
и жаркие объятия хамсина.
Ни Родины, ни Храма — только Бог!
И женщина, рожаящая сына.
И женщина,
как ангел во крови,
бредущая к презрению и плети
затем, чтоб ветхим рубищем любви
соединить дыхание столетий.
По русским,
по заблеванным снегам
иду один на Масличную гору.
О, Боже, как тепло моим ногам!
Как холодно расплавленному горлу!
Как дружно иудей и славянин,
погромщики, погрязшие в пороке,
властитель дум
и тот, кто был гоним,
и тот, кто сам готовится в пророки,
и праведник на медленном осле,
и стражник из садов архиерея
уже сошлись в едином ремесле,
готовя крест заблудшему еврею.

*Когда я верить в чудо перестал,
 Когда освободился пьедестал,
 Когда фигур божественных не стало,
 Я, наконец-то, разгадал секрет,
 Что красота не там, где Поликлет,
 А в пустоте пустого пьедестала.*

Евгений БЛАЖЕЕВСКИЙ

Давай поговорим о пустоте,
 проделавшей дыру в беспечном быте.
 Недолго пребывая в пестроте
 застолий и мелькающих событий,
 поймешь, что арендован пустотой
 на должность записного златоуста,
 как арендован клен звенеть листвою,
 покуда он листвою усеян густо,
 как арендован ливень петь струной,
 шептать и разливаться безвозмездно,
 пока не взялся коркой ледяной
 заросший пруд у твоего подъезда.
 Приходит осень.
 И пустая плоть,
 ненужная, как валенки в июле,
 напоминает почерневший плод,
 золу в камине или след от пули.
 И понимаешь, что любовь чиста,
 как первый луч на мартовской мимозе,
 что Родина — сквозная пустота,
 свистящая, как выстрел на морозе,
 что догорает тополь, как свеча,
 что лист его изъеден и скукожен,
 что жизнь уйдет, как воздух из мяча
 уходит сквозь разодранную кожу,
 что под кленовый аккомпанемент
 ваятель, вдохновенный и искусный,
 очищенный тобою постамент
 займет твоим недоуменным бюстом
 и все расставит по своим местам:
 граненый воздух — предоставит зелью,
 дыханье — ветру,
 голос — небесам,
 все остальное — в землю,
 в землю,
 в землю.

Пока во мгле, подобно чуду,
звезда над Сретенкой горит, —
допить вино,
разбить посуду,
все распродать иль подарить
и, пальцы в голову вонзая,
прощаться,
плакать без стыда,
купить билеты у вокзала
и не уехать никуда,
допить вино,
глядеть покорно,
просить прощенья в темноте,
захлопнуть дверь
и спать спокойно
с вязальной спицей в животе.

1992

* * *

Снег идет неслышно, по-кошачьи,
хлопьями, как лапами, шурша
там, где зачарованный, дрожащий
синий ельник стынет, не дыша,
там, где между небом и землею
нет границ и обнажилось дно,
снегом, словно белою золою,
прошлое уже погребено.
Я ушел и больше не нарушу
ваш покой бесценный, ваш ночлег.
Словно небо вывернув наружу,
снег идет, обыкновенный снег,
тайный, словно тайные любви
или тени на исходе дня —
где-то рядом, за пределом боли,
где-то там, где больше нет меня,
снег идет, крадется и заносит
душу, словно нищенка с сумой.
Бог ты мой, ну как же он заносит!
Как же он уносит, Бог ты мой!
И уже не различить причала,
и уже не различить лица.
Если можешь, начинай сначала
эту жизнь.
А я начну — с конца.

Кругом песок.
 И лица — как из гипса.
 И неба расплзающийся шелк.
 Наверно, я не вышел из Египта.
 А если вышел — так и не дошел
 до купины, до истины, до света
 и до обломков золотых тельцов.
 И без меня святой Ковчег Завета
 пылал на спинах новых мудрецов.
 Они меня нарочно не пустили
 на этот пир, закрывшись на засов.
 И мне уже не выйти из пустыни
 и не догнать отцов и праотцов.
 И я пошел по зимникам, заимкам,
 в краю, где мир сугробами зачат,
 где в зимнем небе моментальным снимком
 тоскует замороженный закат.
 Кругом снега.
 Замерзшие осины.
 И схваченная инеем луна.
 И мне уже не выйти из России,
 пока в снегах не вспыхнет купина.

2015

Мне на плечи кидается век-волкодав,
 Но не волк я по крови своей...
 Осип Мандельштам
 Эта осень расставила все по местам
 и застыла на веки веков.
 Потому что кончается век-Мандельштам
 и является время волков.
 Если все волкодавы сидят на цепи,
 ожидая бесплатных костей,
 я не чую дыханье сибирской степи
 и не жду вороненых гостей.
 Только месяц в распаханном небе страны
 золотыми ушами прядет.
 Мы давно и настолько уже не нужны,
 что за нами никто не придет.
 Только бродит по улицам ветер-солист,
 спотыкаясь на каждом углу.
 И, похожий на сердце, изношенный лист
 прилипает к ночному стеклу.

2014

* * *

Затхлый запах бездонности —
 сквозняком — по душе.
 Ощущенье бездомности
 не покинет уже.
 Но как ветер за ставнями
 или пес в конуре,
 как случайно оставленный
 патефон во дворе,
 я играю и вроде бы
 и пою, и верчусь —
 певчий пасынок родины.
 За нее, я, юродивый,
 до конца расплачусь.

1995

Это яблоко. Яблокопад.
 Это якобы сумерки.
 Якобы
 это Ева идет через сад,
 подбирая опавшие яблоки.
 Это яблочный Спас. Это путь
 тишины, выходящей из тени.
 Контрабас,
 контраболь,
 контрапункт
 приглушенного грехопаденья.
 Это вечера стертый пятак
 нагоняет ненужные страхи.
 Это яблоки падают так,
 будто головы падают с плахи.
 И уже не дано надкусить
 ни плода, ни случайной удачи.
 Никого не дано искусить
 в подмосковном Эдеме на даче.
 И Господь меня не отлучит,
 обрекая изгнанию и стуже,
 не затем, что я праведно чист,
 а затем, что я больше не нужен.

Я лежу, как пятно на холсте.
Я упал.
Я сегодня при деле.
Я прикован к своей нагоде,
как любовник к постылой постели.

И небес дождевая вода
осторожно смывает усталость.
Подберите меня, господа, —
нас немного осталось.

Ночь глуха.
Ни ангела, ни вора.
Никого. Из почерневших туч
хлещет дождь. Не вышло разговора.
Видно небо заперто на ключ.
Тайный, словно книга иноверца,
зыбкий, словно тени при луне,
ты зачем кинжальной болью сердца
по ночам являешься ко мне?
Я не знаю, как тебе молиться.
Я твоих творений не читал.
Я безумен.
Я один в трёх лицах.
Я устал.
Я бешено устал.
Жёлтый лист, размазывая краски,
гасит в луже огненную медь.
Я устал, как Арлекин без маски
устаёт кривляться и шуметь.
Но опять не вышло разговора.
Ни любви не вышло, ни суда.
Ночь глуха.
Ни ангела, ни вора.
Лишь одна холодная вода,
да сырой дурак у светофора.

